



Сергей Осипов

Зеркало

Итоги лирики

Сергей Осипов

Зеркало. Итоги лирики

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21995658

ISBN 9785448335013

Аннотация

Четверть века тому назад некоторые стихи из этой книги привлекли благосклонное и сочувственное внимание Иосифа Бродского. Одно это обстоятельство гарантирует читателю незабываемое погружение в образный мир поэзии, продолжающей в наши дни трудные традиции акмеизма, символизма и своеобразного синтеза этих направлений. Полный корпус текстов, в том числе и не публиковавшихся ранее, составляет итоговый лирический сборник «Зеркало», в котором отражены сорок лет авторских впечатлений и раздумий.

Содержание

Грани и рефлексии	7
Cogito ergo sum	7
Плотин	8
Море	9
Мисхор	10
Валаам	11
Луг	12
Белозерск	13
Пифагор	14
Зенон	15
Гегель	16
Восточный рынок	17
Мараканда	18
Батуми	19
Ялита	20
Марли	21
Шумы	22
Ранняя весна	23
Селигер	24
Весеннее утро	25
Майский дождь	26
Звезда и лоза	27
Летнее солнцестояние	28

Летняя зарисовка	29
«Вороны дерутся в дубовых ветвях...»	30
Иволги в июле	31
Летний закат	32
Перед грозой	33
Август	34
Осенний сад	35
«Вот и кончилось лето...»	36
«Опять проливной дождь...»	37
Глухарь	38
Осенний дождь	39
Петербург	40
Апраксин	40
Пантелеймоновская улица	41
Таврический ангел	42
Ариадна	43
«Бежать бы мне по Петербургу...»	44
«Сентябрьский день в Ленинграде...»	45
Метро	46
Валгалла	47
Петербургское рождество	48
Крест	49
Вернисаж	51
I	51
II	51
Художник	53

Мастерская	54
«Над Петербургом треугольник строго...»	55
«Восьмидесятый год. В Кабуле танков гул...»	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Зеркало
Итоги лирики
Сергей Осипов

© Сергей Осипов, 2017

ISBN 978-5-4483-3501-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Грани и рефлексии

Cogito ergo sum

Я мыслю, значит существую...
А если мыслить перестал?
А если попросту ликую,
как по весне в лесу листва?
Ужели прав мыслитель грозный?
Часы парения – не в счёт?
Тогда я стану сам серьёзным,
сказав: существованье – гнёт.
Гнёт тех теней пресуществленья
существ, сухих по существу,
что видят знаки зла и тленья,
бросая взгляды на листву!

1980—2014

Плотин

Природа – разукрашенная кукла,
труп убранный, никем не погребённый:
в подтёках рана на груди распухла,
и искры звёзд срываются с гребёнок.
Ребёнок искренний у зеркала не лживо,
закалывая иглами причёску,
и детским голосом: «Покуда живы,
не надо делать за страницы сноску.
Весь мир – пред нами. Так читай в захлёбе!
Есть – только это. Остальное – бредни
Тех рыбаков, что не поймали в хляби
Душ человеческих даже миг к обедне».

1984

Море

Я со скалы отвесной к морю
глядел в зелёные глаза.
Плескались в них любовь и горе,
истома, нега и гроза.
Так, проходя мимо девчонок,
ловя ресничный полувзмах
зелёных глаз, фигур точёных
разгадывая тайный знак,
я понял вдруг, что вся природа
не стоит чистого листа,
она в любое время года
душой, как зеркало, пуста.
Но, если к хладноватой грани
приникнет Духа ясный лик,
то, как начертано в Коране,
вдруг станет муравей велик,
тот, Кто ноги моей подруги
легко исследует изгиб,
пока, застыв в волшебном круге,
в шлепке ладони не погиб.

Мисхор

Ты помнишь утренний Мисхор,
куда мы плыли на рассвете?
Вставало солнце из-за гор,
и рыбаки снимали сети.
Русалка билася хвостом
(верней, хвостами) о камень,
напоминая нам о том,
что всё в природе – раздвоенья...
Полувакханка-полумать
несёт свое дитя на берег.
Ныряльщик хвост ей отломать
рискует, ей никто не верит.
Пусть в чешуе, пусть холодна,
но ведь любила, как земная.
И чашу горечи до дна
испила, счастья не зная.

1989

Валаам

Горизонтальных линий торжество.
Лес густо стелется синеющей полоской.
А до него – сверкающий простор
воды, манящей и немного жёсткой.
Шуршит трава под осторожным шагом.
Волна коснуться ленится стопы.
Закат над горизонтом виснет флагом.
И свет сплетается в тяжёлые снопы.
Так, вчитываясь в краски и шумы,
я ощутил пугающую поступь
незримого холодного господства
огня, которым мы обожжены.

1980

Луг

Я лёг на луг. В волне зелёной леса
плескались птицы. Было глубоко.
По ниточке серебряной отвеса
росы взбегала капелька легко.
Над лугом мошкара возводит город,
упругих траекторий волшебство:
здесь клювы спиелей, башенок зазоры,
мерцающий, трепещущий острог.
И всё поёт! Вселенная облита
теплом и светом. Нет в помине тьмы!
В упрямом гуле трудовых молитв
рождаются свершенья и умы.
Вдали, как в перевёрнутый бинокль
плывут столетия рассудочной тоски.
Бог-подмастерье остро щурит око,
на холст кладёт последние мазки.

1980—2013

Белозерск

Село рыбачье. Домики как щепки,
заброшенные северным прибоем,
лежат на берегу. Надвинув кепки,
гуляют парни в праздничном запое.
От церкви к церкви вихрем пыль несётся.
Немало лет ей минуло с рожденья.
Подслеповатым глазом смотрит солнце,
на стёклах, в лужах ищет отраженья.
Природа – сумасшедшая девчонка!
Повсюду зеркальце ей хочется найти:
от капельки росы до глаз под чёлкой —
– вот вежи пройденного разумом пути.

1980

Пифагор

*спасаясь от преследования врагов,
не перебежал поля, засеянного
бобами, чтобы не затоптать их.
Это стоило философу жизни.*

Не побежал гипотенузой
он через поле напрямик.
Ему не жизнь была обузой,
в ушах стоял бобовый крик:
«Остановись! Ты нас затопчешь!
Мы тоже жизнь. Беги кругом!»
И он свернул, поверив в общность
меж полем глины и умом.

1983

Зенон

учивший, что стрела не долетит до цели, и что Ахилл никогда не догонит черепаху, возглавил в родной Элее заговор против тираннии. Потерпев неудачу, доставленный в цепях к правителю, он откусил и выплюнул на пол язык, желая показать, что язык не нужен там, где нельзя говорить свободно.

Видевшие это сограждане устыдились собственной участи и, отбросив страх, свергли тираннию в море.

Весь зримый мир стрела пронзила.
Стрела единства! Наповал!
Олень в прыжке! Но тает сила
и в хмурый рушится провал.
А за стеною слышны крики
и звуки мелкие борьбы.
Он тонет, разгребая блики
на грани собственной судьбы.
А завтра пред лицом тирана
ненужный выплюнет язык.
Свобода поправа! Охрана?
Но он ли к смерти не привык?!

Гегель

Я видел: воробей на розу сел,
как в каплю крови, не запачкав лапки.
Он хохлился, качался и косел
на ласковой дурманящей подставке.
Так хохлится и жмурится душа,
в твоё бездушие ступая, Георг Гегель,
не ищущее лживых привилегий,
но в истину кидающее шаг.

1980

Восточный рынок

Луны дынь плывут в созвездьях винограда.
А звездочёт – мудрец в тюрбане
с тупым убийственным вниманьем
считает на ладони деньги,
как будто видит в них весь рынок:
овалы дынь, себя в тюрбане,
приказы глаз, и слюнки в зубках
у той красавицы в шальварах.

1986

Мараканда

В беспамятстве лоскутный Самарканд,
весь шитый нитками танцующих узоров,
в прохладу сада брошенный смарагд,
на плечи гор взбирающийся город.
В гуденьи рынка, в чаде чайханы,
в дрожании прозрачного фонтана
о чем мечта мечети Биби-ханум?
Мечтает меч загадочной страны!
Запеклись губы улочек кривых,
надтреснутых от жара, словно плети
упали руки города во рвы,
и мечутся в бреду его мечети.

1984

Батуми

Пограничники, пальмы, пиво,
зелёной волны прибой.

Вы спросите: что за диво?

Батуми всегда со мной.

Здесь девушки столь красивы
и ласковы, но порой

мешает проклятое пиво,
пограничники и прибой.

Ты скажешь ей: мшвениери
гогона, пойдём со мной.

Она ответит: не верю,
забудешь, вернувшись домой.

Но я, вопреки Хафизу,
тебя не забуду вовек.

Гогона, оставь капризы,
пойдём со мною на брег!

1988

Ялита

Здравствуй, прекрасная Ялта!
Совдепии дивный рай.
А вас, кто на пьедестал встал,
не угнетает жара?
Помните, как на Капри?
Прогулки, шахматы, бриз...
Сомнений не зная капли,
вы верили в коммунизм.
Но впереди, как ни пьясь,
виднелся только Гулаг.
Два друга – чугунных пальца
сжимают Ялту в кулак.

август 1989

Марли

Язык залива лижет плоский берег,
где сонные отары валунов
жуют в тугой медлительности вереск,
поруговая сфинксов-шалунов.
Здесь некогда ледник холодным краем
надрезал нежной жизни стебельки.
Обиженная больше не играет,
попав в оцепенения силки.
В оцепенении застывшая природа.
Величествен наш северный пейзаж.
Гудки туманом скрытых пароходов
сиренами сварливыми визжат.
Как лемех плуга лес вдали ржавеет,
осеннюю коррозией разъят,
и сыпется в заросшие траншеи
всей тяжестью окалины наряд.
От дальности замедленным движеньем
на юг уходят клином журавли.
И остаётся, словно в утешенье,
картонная коробочка Марли.

Шумы

Шумы в природе как в стихах размеры:
когда я слышу моря мерный шум,
то, узнавая метрику Гомера,
размеренней протяжнее дышу.
Дубовых рощ роскошная картавость
почти как море, всё же – не Гомер,
пожалуй, Ариостовы октавы
похожий из поэзии пример.
Но есть шумы отравленные будто,
со скрежетом взвиваются они,
и, кажется, встаёт из-за станин
Бодлерово болезненное утро.

1979

Ранняя весна

Чуть мертвенный мольберт мольбы природы
приготавливает красок акварель.

В пустых полях не отшумели воды —
глянь! – их перебивает сонный шмель.

Прозрачные берёзы в чёрных рамах
дубрав, не отошедших ото сна.

День или два – во всех укромных храмах
молитвы раздадутся голоса.

Восьмой день мая 2015

Селигер

Опять я здесь. Балкон-бинокль
в природу вперил крепь перил.
Дубов коряжистых барокко
скрывает взмахи птичьих крыл.
Многоголосая поляна
с пригорка к озеру бежит.
И соловьи в берёзах рьяно
изводят слуха рубежи.

Май, 2014

Весеннее утро

Кряхтенье, карканье и всхлипы.
Кто, как умеет, так поёт:
цикады в поле, дятлы в липах,
все прославляют дня приход.
Роенье пчёл в цветущей вишне
ста свадеб правит хоровод,
лишь я на празднике чуть лишний,
но это, как и всё, пройдёт...

10 мая 2015

Майский дождь

Вот дождик долгожданный вышел,
ступает робко по полям.
Минута – ливень бьёт по крыше,
и гром грохочет: Тарарам!
Природы русской превращенья
необозримы и чудны,
но нет в её природе мщенья,
пускай и ласки холодны.

Май, 2014

Звезда и лоза

Звезда на лозе виноградной горит.
Далёкое с близким во мне говорит.
Я – связь между ними, другой связи нет.
За это пред Богом держу я ответ.

2014

Летнее солнцестояние

Закат с зарёй вступали в сделку —
— их северу не развести!
И ночь в оставленную щелку
пыталась звёзды пронести.
Луна в подмогу дню вставала
и тоже с неба ночь гнала,
своим светящимся овалом
итожа темени дела.
И, темя года отмечая,
поэт лампадой не чадил,
но над остывшей чашей чая
немного рифмами чудил.

2016

Летняя зарисовка

Вот дождь-лентяй свалился с тучи,
гром по периметру гремит.
и ветер пробежал летучий,
как выдох хора аонид.
Ха! я отметил стих свой словом,
которым Батюшков грешил,
и Баратынский взял в основу,
а Пушкин – просто для души.
И мандельштамовы рыдания,
и Бродского «прости-прощай»
не обошлись без дружной дани
шуршанью ветра в камышах.

16 июня 2016

«Вороны дерутся в дубовых ветвях...»

Вороны дерутся в дубовых ветвях
над потоком беглой воды,
каркают злобно и второпях,
возвестники чёрной беды.
Но вдруг разогнал их солнца луч,
бесплотен и не могуч,
словно на каторжника лице
улыбка...

2016

Иволги в июле

Июль в разгаре. Иволги призыв
тропической тропинкой душу дразнит
и говорит: пока ещё не праздник,
но к празднику готовятся призы.
В лесу, в полях, повсюду зреет плод
трудов природы. Славная потеха!
И иволги заходятся от смеха
до октября, пока дрожит тепло.

7 июля 2015

Летний закат

Сижу на золоте балкона,
облитый светом от звезды,
ближайшей к нам, что с неба склона
нисходит к буйству резеды.
Уж птицы петь давно устали.
Цикад не слышно трескотни.
Меняльщик дня и сна местами,
ещё немного диск катни!

7 июля 2015

Перед грозой

Тревожный шум частиц природы
в душе рождает древний страх.
На небе бьются в дребезг воды,
и дрожь кромешная в листьях.
И всё живое приумолкло:
не слышно птиц, собак, цикад.
Сам Бог посматривает в щёлку:
как хаос свой творит расклад.

11 июля 2015

Август

Берёзы треплет ветер, как девушек гуляка,
подвыпивший, но им не привыкать:
подол свой отряхнут – и с милым покалякать
у изгороди дома, коль изгородь крепка.
Дрова к зиме наколют из тех, кто будет свален
за изгородью крепкой, сурепкой порастут
весной сухие корни, лишь выглянут из спален
счастливые подружки, с фатой, что парашют.

27 августа 2016

Осенний сад

Дивлюсь в саду негромким звукам:
вот – словно тронут тетиву —
и плод с шуршанием и стуком
стрелой сбегает сквозь листву.
Сад в равновесии достойном
и в напряжении тугом,
стоит, не дремля, чутким воином,
оберегая мир кругом.

12 сентября 2014

«Вот и кончилось лето...»

Вот и кончилось лето.
Даже «бабье» прошло.
Песни птицами спеты.
Солнце низко взошло.
В опадающей шали
лес встаёт в полный рост,
и природа в печали
красит медленно холст.

2013

«Опять проливной дождь...»

Опять проливной дождь.
Позднего лета дрожь.
Распоряжается дож
над водяной державой.
И на дрожании же,
как на дрожжах ржи,
к истине не во лжи
всходят горькие травы.

2016

Глухарь

Вострепетал охотник, встретив глухаря,
оглох от счастья, спёр во рту дыхание
и, в наст скрипучий втиснув прохоря,
застыл недвижно, словно изваянье.
Глухарь был слеп, не видел ничего
и походил на «безнадёги» слепок.
Бедняга только пел: «Чиво, чиво»
пред тем как рухнуть с потрясённых веток.
Снег окроплён рябиною сырой.
Бровь глухаря, как в удивленьи, вздета.
К нему спешит охотник. Он – герой!
Ещё трофей, ещё одна победа.

27 октября 2015

Осенний дождь

А дождь шуршит и шарит за окном.
К стеклу летят оранжевые рыбы
густым безвольным липким косяком,
как купленные меценатом трибы.
Всё голосует: близится зима.
С дерев срывает ржавые погоны
суровый вихрь, и листьев кутерьма
напоминает краски на иконах.

27 сентября 2015

Петербург

Апраксин

Ступеньки праздной атараксии
меня к блаженству приведут.
Пойду гулять под свод Апраксина,
как сквозь шпицрутены идут.
Сначала Гегеля штудирую,
потом иду под людный свод.
Мне говорят: куда ты с лирою,
кругом торгующий народ.
Я верую, что лёд расплавится
от беззащитного тепла.
Не оттого ли мне так нравится
самовлюблённая толпа?
Когда-нибудь весь мир (без робости!)
от этих выщербленных плит
до ваших лиц в земной подробности
моя душа вообразит.

1983—2013

Пантелеймоновская улица

Вышел на улицу, купил сигареты,
прошёл мимо церкви, выпил вина,
так постепенно сживаясь со света,
я становился похож на слона.
Он тоже рассеянно щупает почву
 подошвами в складках подкожного зла.
Какая-то в мире безмерная порча!
Или я сам вдруг душою ослаб?
Тысячеглавая гидра империи
«нагло просила на чай, на ночлег»,
в небе качалась дымными перьями
и усмехалась: «Ну что, человек.
Помянем тех, кто в грозный век обиды
замечен не был пламенной судьбой
и не имел на жизнь большие виды,
но всё же поплатился головой?»
За что легли? Они того не знали
и не узнают видно никогда,
как в сумерках обыденной печали
всходила оправдания звезда.

1982

Таврический ангел

Тревожный ангел реет над Тверской.
Куда спешит сей известковый вестник?
Или он мертв? Гербарной стрекозой
пришпилен к городу и не воскреснет...
Прошли года, а может и века
с тех пор, когда рабочие лепили,
поднявшись в люльке, крылья и бока,
а после, опустившись в город, пили.
Они ушли, но верили в него,
в его трубу, звучащую негромко
над садом, над домами, над Невой,
над головами глохнущих потомков.

1985

Ариадна

Старинный парк стяхнул лохмотья листьев
и обнажился.

Греческий борец готовится к суровому ристанью
с зимой железной.

Бешено летит шум времени,
шум одичавших листьев.

Среди деревьев девушка идет.

Как хороша, как царственна, как ладна.

Почти ребенок, но уже – и нет.

Мерцает красота, не меркнет Свет.

Из лабиринта смерти выведет твой след.

Дай только нить шагов запомнить, Ариадна!

1986

«Бежать бы мне по Петербургу...»

Бежать бы мне по Петербургу,
срезая сумерки дворов,
спешить зигзагами, по кругу,
за тот, за этот поворот.
Куда? Не важно. Мне бы только
уйти от дыма тех обид,
что Мир в глаза мои клубит:
то кнут, то пряничная долька.
Но, цыц! Не хныкать! Больно хрупкий!
Дым ест глаза? А Млечный путь?
Он тоже дым... Из чьей он трубки?
В лицо б Курильщику взглянуть.

1979

«Сентябрьский день в Ленинграде...»

Сентябрьский день в Ленинграде
серый, словно лист газеты,
лишь к вечеру его расцветят
гризетки, накрасив губы,
и нарисовав на лицах
тушью свои глаза.

1987

Метро

В пещерах метрополитенных
порой гекзаметр звучит,
и слышен шум морских пучин
и грохотанье кружев пенных.
И как педалями органа
в кабине правит машинист,
и воздух рвут гудки и свист,
и гаммы строятся из гама.
Тому подобно, как росток
ломает камни с силой бычьей,
уродство бредит красотой,
и бред сбывается обычно.

1978

Валгалла

Здесь пиво пьют. Холодный легкий мёд,
горчащий чуточку, зато без всякой лести
он вас в объятия медвежие возьмёт
и свалит наземь с горестями вместе.
Грохочут кружки, пена через край
как облачко весёлое клубится.
Седьмое небо, всем открытый рай,
где хочется в кого-нибудь влюбиться.
Когда поеду на салазках вниз
с пригорка жизни, может быть, и вспомню
вот эти занавески, стол, карниз
и хмеля всёмсмывающие волны.

1980

Петербургское рождество

Ошибка Цезаря нам ближе,
чем папы Грегори расчёт:
точнее празднуют в Париже,
но в Риме время не течёт.
Мой Петербург, сей Рим четвёртый
сквозь мглу в кораблике плывёт.
И даже чёрта хвостик вёрткий
его с небес не совлечёт.
Холодный край листа Европы,
где камень царствует и лёд,
дворцы, каналы и сугробы,
где в дёгте ночи шпилей мёд
струится медленно и медно,
не обещая сладкий год.
А пешеход – Евгений бедный,
вдыхая дым, судьбу клянёт.

7 января 1991

Крест

Петербургский романс

Мы в перекрестии креста
сойдёмся вместе неспроста
и тайный совершим обряд.
Судьба – насмешливый добряк,
стоит, к перилам прислонясь,
а за пенсне гуляет грязь.
Ну, что ж, он тоже человек,
безумный наш двадцатый век.
Возьмём, возьмём его с собой
в мир, постороннему иной:
где кошка гнётся на трубе,
где звёзды зримей и грубей,
где ярче блеск влюблённых глаз,
где всё вершится в первый раз.
Не слышны звуки радиол,
зато раскольный Родион,
в петлю подвесивший топор,
ведёт с собой тяжёлый спор:
«Уныла, блёкла жизни нить!
Хоть раз должно мне подфартить?
Ну почему же я лишён
судьбой наследства в миллион?»
Как много спотыкалось тут

и в продолжении минут,
теряя с Божьим миром связь,
шли сквозь пенсне, за стёкла, в грязь.
Но всё же мы помянем их,
кто не мирился с кличкой: «псих»
и, утверждая правды путь,
готов был головы свернуть.
Добро и зло рождают зло,
а вот добру не повезло.

1991

Вернисаж

А. Пушкарёвой

I

От этих греческих повторов
на плоскости —
сойти с ума:
как расправляет бок амфоры
гора на полотне холма!
И серп луны над Кара-Дагом
улыбкой крошечной дрожит,
и хочется услышать сагу,
что нам слагали гунн и жид.
И грека горькое веселье
здесь пива льёт холодный мёд,
И снег распластался под елью,
предсказывая строк полёт.

II

Сонливый кот, Chanel и веер,

и злого зеркала излом.
И нет загадочных феерий,
вся жизнь топорщится углом.
Благословен набор предметов.
К ним прикоснулся сам Рюдель.
Ломая бытия приметы
и, время резвую форель
на лик волшебного пространства
изящной кистью поместив,
Искусство – вечное упрямство!
рифмует краской: Стикс и стих.

20 января 1993

Художник

В углу кафе художник,
и очень хочет он
всю мира невозможность
вместить в один рулон.
Среди разлитых винных луж
ты верно видишь Мулен Руж?
Не оттого ли так лилов
цвет занавесок и столов?
Иль выпил не один коктейль,
и в голову ударил хмель?
Трезвее станешь и решишь,
что муки творческие – шиш!

1993, янв.

Мастерская

Две маленькие Пенелопы
пространство трудное прядут:
огромной рыбы омут ока
вершит над миром тусклый суд.
Хромает в рыбе христианство,
где под холодной чешуёй
позднеантичного альянса
веселие гремит собой.
А над Невой гуляет голод.
Простужен гордый Петербург.
В окно мансарды смотрит голубь
на то, как девушки прядут.

4 февраля 1993

«Над Петербургом треугольник строго...»

Над Петербургом треугольник строго
начертан в зыбком воздухе судьбой:
мальтийский крест, кораблик-недотрога
и ангел с золотою головой.

Три всплеска шпилей выкрали пространство
прекрасное у северных болот...

Спасибо, Пётр, за волю и упрямство —
капризной гениальности оплот.

Кривая Мойки огибает храмы.

В мансардах крыш запутался пловец...

Поэт и царь бредут сюда сквозь раны,
и боль, и скорбь находят здесь конец.

15 декабря 1992

«Восьмидесятый год. В Кабуле танков гул...»

Восьмидесятый год. В Кабуле танков гул.
В России серебристые морозы.
И в Ленинграде мусульманин гнул
неслыханные цены на мимозы.
Я покупал душистый стебелёк
побега нежного, чтобы к ногам богини

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.